

Портрет

«Портрет» — занимательная новелла всемирно известного французского писателя Ги де Мопассана (фр. Guy de Maupassant, 1850–1893).***

Господин Мильяль — известный донжуан, покоритель женских сердец. При этом он не отличается особой красотой или элегантностью, и один молодой человек хочет с ним познакомиться, чтобы понять в чем секрет его обаяния.

Ги де Мопассан прославился благодаря произведениям «Сочельник», «Ночь под Рождество», «Парижское приключение», «Сабо», «На пути в Кайруан», «Приключения Вальтера Шнаффса», «Эта свинья Морен», «Страх».

Творчество Ги де Мопассана, которое имело большой успех при его жизни, пользуется популярностью и сейчас. Многие из его произведений послужили основой для кинофильмов.

— А, Мильяль! — произнес кто-то возле меня.

Я взглянул на человека, которого окликнули: мне давно хотелось познакомиться с этим донжуаном.

Он был уже не молод. Седые без блеска волосы слегка напоминали меховую шапку, какие носят некоторые народы севера, а мягкая, довольно длинная борода, падавшая на грудь, тоже была похожа на мех. Он вполголоса разговаривал с какой-то женщиной, склонившись к ней и глядя на нее нежным взглядом, почтительным и ласковым.

Я знал его жизнь, или, по крайней мере, то, что о ней было известно. Он не раз был любим до безумия; с его именем была связана не одна драма. О нем говорили, как о человеке необычайно пленительном, почти неотразимом. Когда я, желая узнать, откуда у него эта сила, расспрашивал тех женщин, которые особенно превозносили его, они после небольшой заминки неизменно отвечали:

— Не знаю, право... какое-то обаяние.

Красив он, конечно, не был. Он совершенно не обладал той элегантностью, которая считается обязательной для покорителей женских сердец. Я с любопытством задавал себе вопрос: в чем же его очарование? В остроумии?.. Мне никогда не передавали его словечек, никто не восхвалял его ума... Во взгляде?.. Возможно... Или в голосе? Голос некоторых людей обладает неотразимой чувственной прелестью, как бы вкусом изысканного блюда. Ты жаждешь слушать его звук; произносимые им слова доставляют такое же наслаждение, как лакомство.

Мимо проходил один из моих приятелей. Я спросил его:

— Ты знаешь господина Мильяля?

— Знаю.

— Познакомь меня, пожалуйста.

Минуту спустя мы обменялись рукопожатием и разговорились. То, что он говорил, звучало справедливо, приятно, но по содержанию не представляло ничего замечательного. Голос у него и в самом деле был красивый, мягкий, ласкающий, музыкальный; но мне приходилось слышать голоса гораздо более пленительные, более волнующие. Слушать его доставляло такое же удовольствие, как смотреть на красивый журчащий ручей. Чтобы следить за ходом его мысли, не требовалось ни малейшего усилия: он не разжигал любопытства сознательным умолчанием, ни одна пауза не вызывала настороженного интереса. Беседа эта была скорее отдыхом; она не возбуждала ни острого желания возражать или противоречить, ни восторженного согласия.

В беседе с ним отвечать было так же легко, как и слушать. Ответ приходил сам собою, едва только Мильяль умолкал, и фразы слагались с такой легкостью, словно его речь сама естественно вызывала их.

Вскоре меня поразило одно наблюдение. Я был знаком с ним не более четверти часа, а мне казалось, что это мой старый друг, что все в нем — и лицо его, и голос, и жесты, и мысли — давно мне знакомо.

После нескольких минут разговора я вдруг почувствовал, что между нами установилась какая-то близость. Все двери были открыты, и, если бы он захотел, я, быть может, рассказал бы ему о себе такие вещи, в каких признаются обычно только самым старым друзьям.

Право, в этом была какая-то тайна. Преград, которые существуют между людьми и разрушаются одна за другой лишь с течением времени, когда мало-помалу их подтачивают симпатия, общность вкусов, одинаковый уровень духовного развития и постоянное общение, — всех этих преград между нами как бы не существовало, и, должно быть, их вообще не было между ним и всеми остальными людьми, которых сталкивал с ним случай.

Через полчаса мы расстались, пообещав друг другу часто встречаться; он пригласил меня на другой день к завтраку и дал мне свой адрес.

Я позабыл условленный час и пришел слишком рано; он еще не возвращался. Корректный и молчаливый слуга ввел меня в красивую темноватую гостиную, уютную и спокойную. Я почувствовал себя в ней, как дома. Сколько раз я замечал влияние жилища на характер и настроение! Бывают комнаты, в которых всегда чувствуешь себя дураком; в других, напротив, всегда бываешь в ударе. Одни нагоняют тоску, хотя бы они были светлые, белые с позолотой; другие почему-то веселят, несмотря на спокойные тона обивки. У нашего глаза, как и у сердца, есть свои пристрастия и глубокие антипатии, в которые мы часто не бываем посвящены, но все же они воздействуют на наше настроение тайно, украдкой. Общий стиль обстановки, гармония мебели и стен непосредственно влияют на нашу духовную природу, как лесной, горный или морской воздух действует на природу физическую.

Я сел на диван, где было разбросано множество подушек, и внезапно почувствовал, что эти шелковые мешочки, набитые пухом, поддерживают меня, покоят, обнимают, как будто это сиденье было заранее рассчитано на форму и размеры моего тела.

Я огляделся. В комнате не было ничего бьющего в глаза. Красивые, скромные вещи, изысканная и простая мебель, восточные ткани, которые, казалось, попали сюда не из магазина, а из гарема; и прямо напротив меня — женский портрет. Это был поясной портрет: голова, бюст и руки, державшие книгу. Женщина была без шляпы, причесана на прямой пробор и улыбалась немного грустно. Потому ли, что на ней не было шляпы, потому ли, что ее поза производила впечатление полной естественности, но только никогда портрет женщины не казался мне так на месте, так у себя дома, как этот портрет в этой комнате. Почти во всех женских портретах, какие я знаю, чувствуется нарочитость: либо дама является в парадном туалете, причесанная к лицу и явно помнит, что она позирует, во-первых, перед художником, а во-вторых, перед всеми, кто будет смотреть на портрет; либо она принимает непринужденную позу в тщательно выбранном домашнем туалете.

Иные изображены стоя, в величественной позе, во всей своей красоте, с надменным выражением лица,